

ЕВГЕНИЯ
БАТУРИНА

13 минут
радости

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *А. Гаретова*

Батурина, Евгения Анатольевна.
Б28 13 минут радости : роман / Евгения Батурина. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-231853-5

Москва, 1990–2000-е: эпоха перемен, музыки на кассетах и студенческих приключений. В этом мире живет Ефросинья Василева, которая убеждена, что радость — не ее конек. И все же за всю жизнь ей удалось пережить как минимум 24 мгновения настоящего счастья — редких, ярких, щемящих. Перед смертью Ефросинья проживает каждое из них заново, одно за другим.

В первой части дилогии Ефросинья делится 13 минутами острой радости: от детских игр с белым чемоданом и трофейного батончика Mars до первых школьных влюбленностей, учебы на журфаке МГУ и настоящей дружбы.

«13 минут радости» — светлая, трогательная и ироничная история взросления, полная ностальгических деталей и маленьких чудес, которые остаются с нами навсегда.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231853-5

© Е. Батурина, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

Говорят, люди перед смертью видят белый коридор. Я увидела белый чемодан.

Увидела и обрадовалась. Он, кажется, тоже обрадовался мне — многообещающе скрипнул, будто поднялся в приветствии. Узнал. Был он такой же, как раньше: белый, в серо-серебряные завитушки, дно чёрное, тряпичное, замочки блестящие, ручка на таких же блестящих квадратных петельках, а сама — деревянная, с полосой посередине. Ничуть не изменился чемодан, хотя мы не виделись почти сорок лет. Он и пах очень знакомо — чем-то сложным, коленкорово-химическим. Но главное, он пах радостью. Этот запах ни с чем не перепутаешь хотя бы потому, что слышала я его в жизни не часто.

Первое моё отчётливое, ещё до чемодана, воспоминание такое: я сижу у мамы на руках, мама качается на табуретке и качает меня — надеется, что усну. На соседней табуретке соседка тётя Маша Харчева. Халат на тёте Маше плохо сходится, и между пуговицами видны кружева едко-сиреневой комбинации. К правому лацкану халата приколото несколько ан-

глийских булавок с головками разного размера. Тётя Маша дышит тяжело, я слежу за тем, как раздуваются и обратно сдуваются её ноздри. Я ещё не знаю слов «ноздри» (но умею показывать, где у папы/мамы/бабушки носик), «комбинация», «английская булавка». А спор между мамой и соседкой идёт тем не менее лингвистический.

— Как назвала? — спрашивает тётя Маша, кивнув на меня.

— Еф-ро-синь-я! — с гордостью произносит мама по слогам.

— Ой, — пугается соседка. — В честь бабки какой, что ль?

— Сама ты бабка. — Мама отмахивается от тёти Маши правой рукой, а левой сильнее прижимает меня к себе, чтоб не сползла. — Нам и в загсе тётка сказала: «Родители, вы *точно* уверены?» Книжечку отдавать не хотела, подумайте, говорит, о дочери, ей жить... Много вы все понимаете! Ефросинья в переводе с греческого — «радость».

— Какая уж, к чёрту, радость с таким именем, — фыркает соседка и тянется за синей железной кружкой с чёрным пятном на ободке.

Кружка опрокидывается, звякает, тётя Маша исключительно проворно для своей комплекции уворачивается, на стол и пол проливается горячий чай, несколько капель попадает на меня, и я уже точно не сплю.

— Вот тебе и радость! — с удовлетворением говорит тётя Маша испуганной маме. — Видала, как

ревёт? Успокаивай её теперь. — И со вздохом берётся за тряпку.

Мама ругается (причём не на соседку, а почему-то на меня), вскакивает, ходит со мной туда-сюда по кухне, поёт: «А-а-а!» Я вою: «А-а-а» — в другой тональности. Тётя Маша, перекрикивая наши «а-а-а» и считая это беспримерно уместным, принимается жаловаться маме на собственную дочь.

— Люсь, ты представь, оставила ей молочка в холодильнике. Сказала, попей, как придёшь из школы, парное, у Клавки брала. Думаешь, она его выпила? — Соседка торжествующе раздувает ноздри. — В ведро помойное вылила!

Мама уже не просто качает меня, а трясёт. И ругается ещё громче, и немножко щипается. Тётя Маша вдруг встаёт, тынет меня из маминых рук, говорит: «Ну что ты на ребёнка-то, она разве виноватая...» Я упираюсь щекой в английские булавки — в их головки, никакой трагедии, — и замолкаю. «Истеричка ты, Люсь, — произносит соседка уверенно. — Артистка, тоже мне. Родила, так терпи. Радость ей, понимаешь, понадобилась. Дети — это не радость, это ответственность. Да, малая? Зачем мамку довела, а?» Последние слова адресованы мне, которая уже не плачет, а икает.

В общем, в тот день я запомнила три вещи:

1. Молоко нельзя выливать в ведро.
2. Маму нельзя «доводить».
3. Моё имя переводится «радость», но какая, к чёрту, радость с таким именем.

Соседка тётя Маша Харчева была, в принципе, права. Как показал дальнейший опыт, я не очень-то склонна испытывать радость. Особенно в конвенциональные моменты, типа Нового года, свадьбы, рождения ребёнка или собственного дня рождения, но и в неконвенциональные тоже. Не моё это, скажем так, конкурентное преимущество. Мне вообще от сильных эмоций подолгу плохо.

Однако кое-что всё-таки было. Порой я чувствовала радость — острую, щемящую, норовящую выпрыгнуть из груди и разорваться фейерверком — редко, но чувствовала. Каждый такой «приступ» длился не дольше минуты, и всего их за мои 42 неполных года было 24. Каждый из них подряд, последовательно, один за одним, мне довелось заново пережить на пороге смерти.

А началось всё с белого чемодана.

Радость первая

Белый чемодан по имени Катя

Моя мама — актриса. Об этом я узнала не сразу, только в пять лет (думаю, в семьях шпионов детей о профессии родителей оповещают ещё позже). От меня, впрочем, никто ничего не скрывал, я просто мало интересовалась маминной карьерой. Знала, что они с папой оба ходят «на работу», но он приходит «с работы» раньше, когда ещё «Филька» даже не начинается. Днём я была у бабушки, вечером меня чаще всего забирал папа, и мы ехали домой на троллейбусе. Спешили — очень надо было успеть к «Фильке», то есть к программе «Спокойной ночи, малыши!», причём к самому началу, когда зазвонят колокольчики, на синем небе зажгутся пластилиновые звёзды и начнут вовсю превращаться то в луну, то в бабочку, то в колокольчик с бантом (он как раз и звенел, ясное дело), а после и вовсе в телевизор с кнопочками. Этот ряд трансформаций меня завораживал, я всегда боялась пропустить начальную заставку и фразу «А теперь давайте посмотрим мультфильм!», от которой в животе что-то ёкало. Из зверей-ведущих мне больше всего нравился, само собой, Филька (он был добрый),

а из человеческих — тётя Таня (она была красивая). Благодаря ей я впервые и услышала слово «актриса». Как-то мама забрала меня от бабушки вместо папы. Всё пошло не так: мы опоздали к звёздной заставке, пропустили половину сюжетных разборок между Хрюшей и Степашкой (а Фили вообще не было!), мультфильм оказался кукольный, и не из «хороших» кукольных... Я сидела перед телевизором, не мигая, пытаюсь подавить разочарование и не расстроить им маму, и уповала только на одно: сейчас будет прощальная заставка про «спят усталые игрушки», в которой покажут слонёнка, с которым я, согласно тексту, надеялась подружиться. Он крутил пластилиновым хоботом, а вокруг него летал «пирожар птицы», и это была моя любимая часть — остальная песня, предполагающая скорый отход ко сну, вдохновляла куда меньше. Но прямо на слонёнке мама решила поговорить со мной о превратностях актёрской судьбы.

— Танька Веденева могла бы большой актрисой стать, — сказала мама, тыча пальцем в слонёнка. — А занимается ерундой. Такая была талантливая девка...

Я понятия не имела, кто такая талантливая девка Танька Веденева (или что такое неймдропинг), и с тётей Таней из «Фильки» её никак не ассоциировала. Поэтому внезапно, за неимением достойного ответа, исполнила вместе с заставочным певцом последние две строчки: «Глазки закрыва-а-й, ба-ю-ю-бай!»

— Дочь, умоляю, никогда не пой на публике, — пригрозила мама. — Вообще-то спать уже давай, чего сидим!

А вскоре я услышала, как на публике поёт сама мама. Тогда-то и узнала, что она актриса.

— Хочешь пойти «на работу» к маме? — спросил папа как-то утром в воскресенье, когда я смотрела передачу «Будильник» и, если честно, хотела и дальше её смотреть — я была маленьким рабом телевидения.

— Угу, — ответила я без энтузиазма, но никто из родных от меня энтузиазма и не ждал.

Мы с папой долго одевались, долго ехали на троллейбусе, потом долго шли пешком, а затем долго раздевались в большом холодном помещении под золотой табличкой с буквами. Я тогда только научилась читать, читала всё, что видела, и, ясное дело, вслух.

— ГАР-ДЕ-ГРОБ! — возвестила я громко и посмотрела на папу в поисках одобрения. Папа и тётя, забравшая у него наши пальто и обменявшая их на железный кругляш, засмеялись.

— Какая умница, уже читает! Сколько ей? — Тётя ещё и восхитилась. Папа признался, что почти пять, и мы из холодного помещения с гардегробом пошли в холодное помещение с красными стульями, которые почему-то не превращались в стулья, пока не сядешь на них, а если встанешь — грохотали.

— Нам в амфитеатр, — сказал папа очень понятно, и я, поиграв с каждым грохочущим стулом (при папе такое можно, при маме было бы нельзя), добралась до двух наших.

Мы сели, папа тут же встал — стул грохнул с особенным озорством — и сказал: «А программка-то! Посиди, сейчас вернусь», — и убежал. Я покачала стуловы

сиденья справа и слева от меня, потом на левое села строгая тётя в очках, сквозь очки недовольно на меня взглянув, и я перестала. Вернулся папа с маленькой длинной книжечкой, сел справа и довольно громко сказал, отнюдь не стесняясь тётки в очках:

— Вот, читай. Там про нашу маму написано.

Тётя в очках явно заинтересовалась, но решила это скрыть и уткнулась в собственную, такую же точно книжечку.

Я открыла нашу и начала искать в ней слово «мама». Не нашла. Нашла — «петушок». И «золотой». И сложное: «режиссёр», «исполняют».

— А где про маму? — спросила я папу шёпотом (мало ли, может, это всё-таки секрет от тётки в очках).

— Вот же! — Папа ткнул моим пальцем в строчку «Лиса». Ага, «Лиса» — это почти «Люся». Как мама.

Под «Лисой» я прочитала по слогам: «Ал-ла Та-и-рова».

— А где про маму? — повторила я свой вопрос.

Папа воровато оглянулся на женщину в очках, которая усмехалась, не отрываясь от своей книжечки — не верила, — и с досадой произнёс:

— Я ж говорю, вот! Читай! Лиса — Алла Таирова!

— А про маму где? — в третий раз закинула я невод отчаяния.

— Ой, точно ж! — Папа вдруг хлопнул себя по лбу на радость «очкам». — Алла Таирова — это мама в театре. Когда работает, Алла Таирова, когда дома, — он понизил голос, — Людмила Потапова. Понятно тебе? Творческий псевдоним.

— Понятно, — кивнула я. Кто ж не знает про «псевдоним», да ещё «творческий», в свои почти пять.

— Вот! — обрадовался папа. — Сейчас мама вон там, — он кивнул в сторону огромных красных штор, — будет играть.

— С кем? — искренне заинтересовалась я.

— С остальными актёрами, с труппой. Лису будет играть. Мама у нас актриса. — Снова назидательный взгляд тёте в очках.

— А! — Я махнула рукой, изображая мамин же жест. — Как Танька Веденева!

Спектакль я почти не помню. Помню только, что мама была очень покрашенная и с чужими рыжими волосами, хотя дома ходит со своими, серыми. И пела ещё тонко-тонко: «Масляна голо-о-вухка, шёлкова боро-о-душка». Я тогда уяснила: если мама покрашенная, она Алла Таирова. Если не очень, то Людмила Потапова. Такая игра. И профессию её, конечно, запомнила. Теперь в троллейбусе, в парке или в очереди, если меня спрашивали, где работает мама, я больше не отвечала хмуро «наработе», а охотно делилась: «Она играет с труппами в лису». И имела декадентский успех.

Всё это длинное вступление было нужно лишь для того, чтобы рассказать о белом чемодане.

Прошло какое-то время после спектакля про лису, мне стало не почти пять лет, а просто пять. «Фильку» я теперь часто смотрела у бабушки, а не дома, там же и ночевала. Бабушкин телевизор показывал немножко

хуже нашего, рябил, и по нему иногда приходилось стучать или хватать его за рожки-антенны, произнося волшебное заклинание «холера!». Остальное меня устраивало. Папа, как мне объяснили, «мотался по командировкам», потому что у них «открыли филиал».

Однажды мама снова забрала меня вечером от бабушки. Причём в виде Аллы Таировой, а не Людмилы Потаповой: накрашенная, в очень красном платье с бантом, туфлях с заклёпками, только что волосы свои, не рыжие. И домой мы поехали не на троллейбусе, а на длинной серой машине с непонятной надписью «письменными» буквами, которые я ещё не знала.

Добрались быстро. Я проверила, скоро ли «Филька» (бабушка давно научила меня определять время по своим часам с кукушкой), и села ждать. Тут мама позвала меня с кухни:

— Дочь, поди сюда. Серьёзный разговор.

Я нехотя пришла: не хватало пропустить «Фильку» за серьёзным-то разговором. Мама сидела у окна, всё ещё в том же платье, только без туфель, в подследниках. Она красила губы.

— Сейчас ко мне придёт подруга. — Мама сжала губы и почмокала ими, чтоб помада, цвет в цвет с платьем и мамиными длинными ногтями на руках, распределилась как следует. — Нам надо будет *пообщаться*. А ты сиди тихонько тут, поняла? Чтоб ни звука. *Ни. Звука.*

Предчувствия не обманули: никакого «Фильки»! Раз без звука-то. И на кухне вообще нет телевизора...

Ой беда-беда, огорчение, как говорит домовёнок Кузька из нового, «хорошего» кукольного мультфильма.

В тот момент, прерывая мои пессимистичные мысли, в дверь позвонили. Мама встала, очень медленно, подняв голову, прошла в коридор. Там рассмотрела себя в зеркало, опять почмокала губами, поводила бровями, потрогала реснички и снова надела туфли. С заклёпками, уличные. Отвела плечи назад и открыла дверь.

Вот тогда я увидела его. Белый чемодан. И почувствовала радость, во много раз превосходящую жалкое ёканье от фразы «А сейчас давайте посмотрим мультфильм».

Он был прекрасен, блестящ, совершенен — и он был не мой.

Мамину подругу, которая вошла с ним в квартиру, я не разглядела: видела только её руки с короткими ногтями, сжимающие ручку чудо-чемодана, и ноги в туфлях без каблуков и заклёпок.

— Проходите, — сказала мама сладким, как у лисы из спектакля, голосом — голосом Аллы Таировой. — Извините, тапочек не держим, я привыкла дома ходить на каблуках... Это профессиональное.

Где-то на задворках сознания я удивилась (тапочек дома было полкладовки), но не сильно. Тем более что сладкий голос Аллы Таировой произнёс ещё одну странную, непривычную — и самую желанную из всех тогда возможных фразу:

— Доченька, милая, возьми у тёти чемодан и поиграй пока.